

Олег Попенков

**ИСПОВЕДЬ
ВОЕННОГО
ПЕРЕВОДЧИКА**

Книга первая

Олег Попенков

**Исповедь военного переводчика.
Книга 1. Возвращение на Восток**

Издательство «Четыре»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Попенков О. Н.

Исповедь военного переводчика. Книга 1. Возвращение на Восток
/ О. Н. Попенков — Издательство «Четыре», 2023

ISBN 978-5-907654-37-2

В книге рассказывается о жестких буднях советских военных переводчиков на Ближнем Востоке в 60-70-е годы XX века. На их долю выпало стать участниками событий, обусловленных арабо-израильским военным противостоянием. Здесь, как и в жизни, переплелось все: трагическое и смешное. Настоящая мужская дружба и, конечно, любовь. Автор выражает надежду на то, что книга вызовет определенный интерес читателя, в поле зрения которого попала история военно-технического сотрудничества СССР со странами Ближнего Востока в XX веке.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907654-37-2

© Попенков О. Н., 2023
© Издательство «Четыре», 2023

Содержание

Возвращение на Восток	6
Слово автора	8
Моим друзьям, военным переводчикам	9
Предисловие	10
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Попенков
Исповедь военного переводчика.
Книга первая. Возвращение на Восток

Посвящаю моей жене и моим друзьям – военным переводчикам

Автобиографическая повесть

© О. Попенков, 2023

© Издательство «Четыре», 2023

Возвращение на Восток

Автобиографическая повесть

«Генералы, офицеры и прапорщики, получившие боевой опыт в огне сражений, перенёсшие лишения, гибель боевых друзей, – это золотой фонд нашей армии...»

«Никакие перемены в политической жизни общества не должны затенять светлую память о людях, честно выполнивших свой воинский долг.»

Из газеты «Красная Звезда» от 5 мая 1993 года

Фото автора, Москва, 2022 г.

Слово автора

В книге, которая состоит из трех автобиографических повестей, рассказывается о жестких буднях советских военных переводчиков на Ближнем Востоке в 60-70-е годы XX века. На их долю выпало стать участниками событий, обусловленных арабо-израильским военным противостоянием и военно-техническим сотрудничеством СССР с арабскими странами кипящего региона. Здесь, как и в жизни, переплелось все: трагическое и смешное, настоящая мужская дружба и, конечно, любовь.

Это произведение уже выдержало критику читателя, так как впервые было отдано на его суд еще в 2009 году. С тех пор в адрес автора пришло много предложений и просьб от друзей и знакомых, непосредственных участников событий, изложенных в книге, и просто читателей, проявивших к ней живой интерес. Теперь книга издается вторично с правками и дополнениями от автора, который выполняет свой долг перед теми, кто был дорог, но ушел в вечность.

Моим друзьям, военным переводчикам

Приветствую вас, друзья мои!

И сразу прошу простить за то, что, быть может, кого-то не упомянул в своей книге. Годы неумолимо стирают из памяти события, факты и фамилии. Но, поверьте, я помню всех и каждого из вас, ибо все мы – одно целое!

Рассказывая о себе, пишу и о вас, так как вы окружали меня в институте, сопровождали в далеких заграничных командировках, служили вместе со мной в воинских частях и многочисленных учебных центрах. Мы и сегодня вместе!

Читая эту книгу, вы легко уловите ту атмосферу и вдохнете тот воздух, которым мы все дышали, и узнаете в давно прошедших событиях самих себя.

Мы прошли подготовку в военном вузе, вращаясь, по сути, в армейском, мужском коллективе. Если сравнивать условия учебы и быта военных и гражданских учебных заведений, то мы, быть может, были лишены в наши юные годы тех студенческих радостей и свобод, которые ощущали сверстники на гражданке. Недаром говорят: студенческие годы – лучшие в жизни!

И все же, будь в моей воле возможность вернуть назад свою юность и все начать сначала – выбрал бы тот же путь!

Книга переиздается с изменениями и добавлениями. Этому послужили ваши замечания. Я очень благодарен вам за критику и пожелания, которые свидетельствовали о главном – вашем горячем внимании к нашей общей истории.

Итак, обо мне и о вас, и не только.

Предисловие

В моей комнате на стене у письменного стола висит старая фотография. На ней семь молодых ребят. Они улыбаются, и их лица светятся молодостью, здоровьем и надеждой на счастливую долгую жизнь. Они позируют на фоне плаката с социалистическими обязательствами на 1971–1972 учебный год. Теперь это история. У каждого времени – своя отметина.

Эти юноши – 10-я языковая группа Военного института иностранных языков, некогда супервуза и предела мечтаний многих поколений советской молодежи; кузницы высочайшего лингвистического мастерства. Вуза с необыкновенными армейскими традициями, основанными на духе непоколебимой воли и воинского братства. Но времена меняются и не всегда к лучшему...

Итак, на фото представители «труп тен» (от англ. group ten – десятая группа): Саша Бобров по кличке Бывалый из-за схожести с известным киношным персонажем, сержант и командир группы; Юра Синицын по кличке Маха, прозванный так из-за малого роста и нежного характера, человек влюбленный в искреннюю мужскую дружбу; Андрей Васильков по кличке Чика (по прежней фамилии Чекулаев), балагур, хохмач и талантливый парень, который вполне мог стать и музыкантом, и писателем; Серёжа Рябик, краснощекий любимчик публики обоих полов; Лёня Вылегжанин по кличке Череп из-за вдумчивого и рассудительного характера; Батлания – Игорь Ростовцев, высокий парень с точеной, как у римской статуи, фигурой, любимец женского пола и искатель приключений (в основном на собственную пятую точку).

Все ребята недавно вернулись в институт из заграничных командировок по центрам подготовки арабов в Союзе и только-только приступили к занятиям. Они снова вместе. А впереди так много всего! Целая жизнь!

В центре группы нахожу себя и с горечью сознаю, что пятерых на этом фото уже нет в живых. Все они, ушедшие за горизонт, москвичи и баловни судьбы. Их тогда в шестидесятые причисляли к «золотой молодежи», имея в виду высокопоставленных пап и мам и их связи и возможности. Для меня эти ребята и впрямь золотые, но в другом смысле. Они ушли из жизни молодыми, не дожив до старости. Так решил Господь Бог. Но всех их, в мельчайших подробностях, хранит моя память, память сердца. Всякий раз, садясь за стол, я начинаю работу, подолгу рассматривая лица моих друзей, будто бы вижу их впервые, мысленно беседуя с ними, и вспоминаю в подробности каждого: неповторимый голос, шутки, приколы и радости. Радости юности...

Часть I Из настоящего в прошлое

Глава 1 Шарм-эш-Шейх, сентябрь 2006 г

Мужчина и женщина в возрасте около пятидесяти лет прогуливались по территории пятизвездочного отеля «Мовенпик» в египетском Шарм-эш-Шейхе. Пара шла вдоль длинного, плавно закругляющегося бассейна, подсвеченного внутренними светильниками. В нем тихо, успокаивающе булькала вода, послушная движению непрекращающегося в ночное время технологического процесса.

– Какая духота! Наверное, больше тридцати. А ведь уже восемь вечера, пора бы и посвежить немного, и совсем темно, – устало произнесла женщина.

– Ну, да, дорогая, мы на Ближнем Востоке. Здесь темень падает внезапно. Цикады поют. Завтра опять жара будет, – отреагировал на ее слова мужчина.

– На следующей неделе уже октябрь. В Москве прохладно – и тут похолодает, я надеюсь. Вот градусов тридцать днем было бы в самый раз! Ты как считаешь? – спросила женщина, и в ее словах прозвучала надежда.

– Непременно похолодает и здесь. Вечерами будет свежо, я уверен, – обнадежил мужчину.

Олег и Алла, семейная пара из Москвы, только сегодня утром прилетели в Шарм. В аэропорту их встречали с табличками служащие отеля. Арабы были расставлены равномерно от здания аэропорта до самого автобуса и вполне сносно общались по-русски. Их явно готовили, ориентируя на русских – основной туристический поток в Египет.

Разместившись в отеле и кое-как развесив вещи, супруги переоделись и поспешили на море, ближе к воде. Берег у моря был обрывист. Спустившись вниз по многочисленным деревянным лесенкам, они перевели дух. Пляж оказался песчаным. На нем были разбросаны лежаки, а в песок воткнуты стационарные большие грибки, покрытые сухим тростником.

Разноязычная публика отдыхала на лежаках, загорала, галдела, перемещалась и плавала. В море, через коралловый риф, который тянулся вдоль всего побережья, выходила металлическая лестница с перилами. Сойдя с нее, купальщик сразу попадал в морскую бездну – глубина у берега была метров 12–15.

Плавающая и ощущая, как очень соленая вода Красного моря держит тело на поверхности, мужчина вспомнил давний случай, произошедший с ним в городе Ходейда, на побережье того же Красного моря, и холодок пробежал по его спине...

Находясь в спецкомандировке в Северном Йемене в 1975 году, группа военных специалистов, и Олег в их числе, выехала из столичного города Саны по так называемому «большому кругу». Нужно было посетить ряд воинских гарнизонов в городах страны: Таиз, Иб и Ходейда. Поездка оказалась сложной, дорога шла вверх, через горный перевал Ярим, находящийся высоко над уровнем моря.

Выехали на джипах, налегке, в сопровождении арабских офицеров Генерального штаба. Старший из них, подполковник (в те времена высший в стране воинский чин), взял в путешествие своего сына лет двенадцати, которого отчаянно тошнило на горном серпантине.

– Мафиш хоф!¹ – все время повторял отец, подбадривая мальчика.

¹ Не бойся! (Араб., йеменский диалект.)

Экспедиция время от времени делала короткие остановки, чтобы передохнуть и размять затекшие ноги. Асфальтовая дорога была вполне сносной, однако отсутствовало всякое ограждение.

На очередном привале трое русских мужчин подошли к краю обрыва. В нескольких сотнях метров торчала верхушка сопки, а на всем расстоянии между людьми и сопкой плыл густой туман.

– Наверное, минут десять только лететь вниз, – предположил один из них.

– А потом – такая же лепешка, как та, которую мы недавно видели, – добавил другой.

Около двух часов назад экспедиция сделала привал у груды искореженного металла. Автобус, перевозивший паломников из Мекки, сорвался с горной дороги вниз и, пролетев несколько сот метров, упал на нижний серпантин. Погибли все ехавшие в нем восемнадцать человек.

Еще через несколько минут русские спецы заняли свои места в машинах, и джипы, натужно гудя, поползли дальше, поднимаясь все выше по горному серпантину. Стало прохладнее и заметно труднее дышать.

И вдруг повалил густой снег. Хлопья летели так обильно, что за какие-то мгновения летний пейзаж превратился в зимний. Арабы были одеты в военные френчи, а наши специалисты, по неопытности, в безрукавках – тряслись от холода.

– Это перевал Ярим, – пояснил йеменский подполковник. – Дальше дорога пойдет только вниз.

На очередной стоянке около машин столпились какие-то люди. Все они были одеты в шкуры и молча разглядывали чужаков. Среди местных особенно выделялся один подросток. Взгляд его светлых глаз остановился на Олеге. В свою очередь, тот попытался завязать разговор с мальчишкой, но ответа не последовало. Кажется, паренек стоял на снегу босиком...

– Это горцы, – снова внес пояснение подполковник. – Они не понимают нашего языка. Нам нужно уезжать отсюда.

Было заметно, что подполковник проявляет беспокойство.

Спецы поняли, что экспедиция находится на территории, которая не совсем лояльна к центральной власти. Племена временами бунтуют.

После часового спуска стало намного теплее. Уже легче дышалось. А еще через пару-тройку часов машины выехали на равнину.

Перед ними лежала в первых вечерних сумерках отдыхающая от нестерпимой дневной жары пустыня Тихама. Раскаленный докрасна диск солнца медленно опускался за горизонт. Пустыня оживала. Здесь все шевелилось, ползало и прыгало. Перебегало через одинокое шоссе. Хотелось поскорее проскочить это пространство.

Но, наконец, уже в полной темноте южной ночи экспедиция доползла до Ходейды, городка на берегу Красного моря. Засыпанные песком улочки освещали лишь немногочисленные тусклые фонари и гирлянды редких кафе и лавчонок.

Доехав до отеля «Медитеренъен», джипы остановились, и экспедиция не без удовольствия спешила.

В отеле предполагалось поужинать и переночевать, а весь следующий день поработать в частях местного гарнизона. Потом день на отдых – и снова в путь.

Итак, был запланирован целый день отдыха, который наши друзья собирались провести на берегу моря. Выйдя из машины, запыленные и потные, русские спецы жадно вдыхали воздух, насквозь пропахший планктоном и морской водой. Хотелось лишь одного – скорее искупаться в море. Этого требовало измученное от пыли и пота тело.

Побросав вещи в гостиничном номере и пообещав вернуться через час, то есть к ужину, который только начали готовить, русские ринулись на шум прибоа.

Купались в крошечной тьме на каком-то диком побережье, там, куда ноги вынесли, плывя по лунной дорожке...

Глубины у побережья большие. Сделаешь несколько шагов, а дальше – бездна. Но в 30–50 метрах от берега шла коса планктона и кораллового рифа. Считалось, что акулы боятся рифа и не заплывают за него, то есть не подходят близко к берегу. Олег заранее выяснил это у «бывалого» подполковника, который их сопровождал в дороге.

Туда, к рифу, и поплыл Олег в свой выходной день. Очень хотелось добыть кусок коралла, который переливался на свету всеми цветами радуги. В те годы во многих московских квартирах на трюмо стояли кораллы, диковинные чучела рыб и морских ежей, всевозможные раковины. В общем, это было модно. И говорило о том, что обладатель всех этих трофеев побывал где-то далеко-далеко, на морях и океанах.

Добравшись до рифа без особых проблем, наш пловец забрался на него. Рукояткой ножа отбил несколько кусков кораллов (себе и друзьям, ждавшим его на берегу) и, отправив их в сетку-кокон у пояса своего ремня, стал медленно погружаться в воду, намереваясь плыть обратно к берегу.

И вдруг сердце его подпрыгнуло и звонко забарабанило в ушах – мимо него, буквально в нескольких метрах, проплыл плавник громадного чудовища. Это была акула-молот. Она плыла медленно, надвигаясь мощным телом, почти не двигая плавниками. Ее маленькие глазки, казалось, заметили пловца, а громадная пасть ухмылялась.

Не помня себя от ужаса, Олег оказался на высоте каменной гряды, выступавшей из воды. А потом до самых сумерек все силился заставить себя нырнуть в воду и проплыть каких-то пятьдесят злополучных метров до берега.

Его попутчики, не понимая, что происходит, долго размахивали руками и что-то кричали. Но море гасило звуки.

И наконец он решился. Наблюдавшие за ним со стороны рассказывали потом, что, уже приплыв, он еще некоторое время бешено молотил руками прибрежный песок!

Позже, если он заболел с высокой температурой, видение возвращалось в горячечном сне, и тогда бил озноб.

Но справился, конечно, заставил себя забыть о случившемся эпизоде. А вот сейчас, по прошествии многих лет опять вспомнил...

Выйдя из воды и подставив себя жаркому солнцу, мужчина долго смотрел на скалистый берег, уходящий за горизонт.

Акабский залив, «Рай для дайверов». Особенно много их собирается в египетском городке Дахаб. В этом непрезентабельном грязном местечке, где находится несколько национальных предприятий золотых изделий Египта. Собственно, «дахаб» – это и есть золото по-арабски.

Перед самой арабо-израильской войной 1967 г. Египет блокировал вход в Акабский залив для израильских и других кораблей, которые везли в Израиль грузы, считавшиеся стратегическими. О закрытии залива заявил сам президент Египта Гамаль Абдель Насер, высокий, белозубый и харизматичный лидер нации, выступая с речью в мае того же года.

А уже первого июня Израиль поднял в воздух всю свою военную авиацию. Она уничтожила ВВС Египта на военных аэродромах в Каире и Аль-Айше за считанные часы, установив свое превосходство в воздухе. Для нападения на египетские аэродромы был выбран момент, когда происходила смена ночных и дневных дежурных. За несколько минут почти все египетские самолеты были уничтожены на земле.

Затем началась сухопутная фаза операции. На территории Египта бронетанковые силы Израиля наступали по четырем направлениям: на Абу-Агилу, Аль-Кантару, Газу и Шарм-аль-Шейх. Все было решено за считанные дни.

Результаты июньской войны оказались катастрофичными для арабских стран: Сирии, Египта и Иордании.

Были потеряны:

- Старый город Иерусалима (его арабская часть);
- Синай (территория Египта);
- Сектор Газа (Палестина);
- Западный берег реки Иордан (территория Иордании);
- Голанские высоты (Сирийская территория).

Количество палестинских беженцев составило около 500 тысяч человек.

– Смотри, какие рыбки! – отвлекла от раздумий жена.

Прямо около берега, у деревянных мостков, чинно построилась стайка игл. Кроме них, в воде резвились рыбы всех цветов радуги, явно ожидая от людей лакомых хлебных кусочков. Самые храбрые вились у ног и, чувствуя себя хозяевами положения, отгоняли своих товарок, претендовавших на угощение.

Накупавшись, супруги долго карабкались в гору по солнцепеку. Останавливаясь и отдыхая на лестничных пролетах, проклинали свою физическую немощность и обещали друг другу «взяться за себя».

Глава 2

Москва. Военный институт, сентябрь 1968 г

С однокурсником, Игорем Вахтиным (слева от автора) во дворе Военного института иностранных языков, сентябрь 1968 г.

Фото с друзьями у учебного корпуса, 1970 г. Нижний ряд: слева на право: Выродов, Ратников, автор повести. Верхний ряд: слева на право: Введенский, Моисеев, Гукайченко, Жабько.

– Вы можете хоть все уйти из института. – Майор Крестьянинов мерно прошаживался вдоль строя только что вернувшихся из лагерей слушателей Военного института иностранных языков. Его бравый вид никак не портил солидный животик, выпиравший из-под гимнастерки, стянутой на месте предполагаемой талии широким кожаным офицерским ремнем. – По вам по всем армия плачет, вот там бы вас сразу научили дисциплине!

– А мы где? – послышался робкий вопрос из второй шеренги.

– Отставить разговоры! – огрызнулся майор. – В войсках служба, а здесь курорт!

– Ни фиги себе курорт! – не согласились во второй шеренге.

– Как ты думаешь, он воевал?

– Откуда, ему лет сорок, а то и меньше.

– Значит, в сорок пятом ему было лет четырнадцать-пятнадцать. Не успел. Потому и выпендривается. Фронтовики по мелочам не размениваются!

Майор Крестьянинов тем временем подал команду, строй повернулся налево и начал движение в столовую.

– Не тяни ногу, салага! – раздался за спиной надменный голос старослужащего (так называли тех, кто поступал в институт не после школы, а непосредственно из войск или уже по окончании срока службы), и один из молодых ощутил удар сапога по своей пятке.

– Еще раз так сделаешь, и я тебе так наверну по «чану», мало не покажется, – повернулся он к старослужащему.

– В казарму вернемся и поговорим, – зло прошипел «старик», но подсекать ногу больше не осмелился.

В лагерях произошел случай, который сразу выделил парня из числа салаг. Вчерашние школьники сильно зауважали, а старослужащие хоть и хотели наказать по-свойски, по-армей-

ски, сделав ему «темную», но доказать ничего не смогли. А где-то в глубине души и сами прониклись к нему уважением, хотя и не показывали вида. А произошло вот что.

На лагерном сборе, который был объявлен сразу же по окончании вступительных экзаменов, первокурсников вывезли в район подмосковного города Щёлково на Медвежьи озера – для прохождения курса молодого бойца.

Лагеря института соседствовали со Звездным Городком и находились в очень живописном месте, на опушке соснового леса. Но красотами полюбоваться не давали.

За новобранцев взялись всерьёз: утром подъем в 6:00, ежедневный семикилометровый кросс в сапогах и непременно с голым торсом. Далее полевые или классные занятия по военным дисциплинам: тактике, топографии и прочему. К вечеру новобранцы валились с ног, с облегчением стаскивая с себя в палатках опостылевшую за день кирзу (кирзовые сапоги) и разматывая сбившиеся в кучу портянки, впитавшие в себя запахи всех дневных «страданий».

По распределению отцов-командиров Олег попал в одну палатку со старшиной курса, которого за высокий рост 2,07 м прозвали Алефом (первая буква арабского алфавита – алеф – напоминала цифру один или, проще говоря, наклонную палку).

Старшина изо всех сил старался навести «армейский порядок» и выслужиться перед начальством. Ходили слухи, что на курс набрали слишком много народа и будет отсев. Алеф едва вытянул на вступительных экзаменах. Говорили даже, что по языку у него вообще-то была сначала двойка, но потом за него заступились. Ведь старослужащие имели приоритет перед вчерашними школьниками, у которых в памяти еще свежи были учебные дисциплины.

В палатке трое лежали рядом на общем деревянном настиле, укрываясь шинелями, и тщетно пытались согреться. Старшинское место находилось отдельно, сбоку, и также без особых удобств. К этой картине нужно прибавить специфический запах, на языке у новобранцев – смел, исходивший от сапог и прелых портянок (от англ. smell – запах).

Понятное дело, вставать утром не хотелось ужасно.

И когда в 6:00 начинал хрипеть «колокольчик» и проигрывался сигнал «Подъем!», Алеф, не вставая сам, начинал орать и выпихивать новобранцев из палатки на построение и утренний кросс, находясь еще некоторое время в блаженном положении лежа.

Когда в утреннем тумане все, дрожа и мучительно ожидая команды «Бегом», чтобы согреться на ходу, жались друг к другу, из палатки появлялась сначала задняя часть, затем спина и все остальное, что считалось Алефом.

Такая несправедливость казалась вопиющим хамством. Но поведение начальствующего лица являло константу.

И вот однажды, заготовив орудие возмездия с вечера, Олег, по молчаливому согласию жителей палатки и однокашников Миши Абрамова и Валеры Яроша, задумал и успешно осуществил свой план. Выскочил наружу первым и, пошарив в кустах, выхватил ствол подготовленной заранее ободранной ели, чем сильно удивил дневального – стоявшего под грибком со штык-ножом и в плащ-накидке «кадета»² Шкарупету.

Когда из палатки показалась филейная часть старослужащего Алефа, наш друг с силой нанес удар чуть выше начальственного копчика – и тут же выбросил елку в кусты. Алеф тяжело крикнул и плюхнулся на колени, лицом вовнутрь палатки.

Как оказалось позже, при служебном расследовании, «никто ничего не видел».

Заместитель начальника лагерного сбора подполковник Шах-Назаров был человеком умным, преподавателем гуманитарных дисциплин института, а не строевым командиром из «дубовой рощи» (так называли кафедру оперативнотактической подготовки военного вуза, сплошь состоявшую из строевых офицеров, в прошлом командиров, полковников и подполковников).

² Выпускника суворовского училища (примеч. автора).

Он сразу все понял, едва бросил беглый взгляд на руки нашего «инквизитора», тщетно пытавшегося оттереть ладони от елочной смолы подручными средствами. Внимательно поглядел в глаза новобранца черными, как смоль, южными глазами, как будто оценивая поступок юноши, и отдал распоряжение двигаться на занятия.

Алеф бушевал от несправедливости, а еще от того, что стал предметом насмешек. Обещал всех «вывести на чистую воду» и написать рапорт по команде. Но так ничего и не сделал, потому что хоть и был «каланчой», но парнем порядочным и сердечным. И хотел лишь одного: удержаться в институте.

Много позже, уже в 2000 году, на встрече бывших однокашников, постаревший, сильно изменившийся, но все еще узнаваемый старшина осторожно напомнил тот случай. Значит, все знал! Но разговор не получил продолжения. А зачем? Совсем другие чувства переполняли нашего друга, тоже повзрослевшего и умудренного опытом. Ему было просто очень хорошо с теми, кого он помнил молодыми и, всю жизнь вспоминая, любил.

По возвращении из лагерей всех новобранцев разместили на зимних квартирах в Алёшинских казармах, за высоким металлическим забором, выходящим на Волочаевскую улицу. Двухэтажные строения, сложенные из добротного темно-красного кирпича в незапамятные времена, имели богатую историю.

Курс нашего друга попал на 2-й этаж исторической постройки с окнами во внутренний двор. Здесь располагался спортивный городок и строевой плац. Сама же казарма имела форму замкнутого прямоугольника, в котором кроме жилых помещений были учебные классы (в основном по военным дисциплинам), библиотека с читальным залом и столовая для младших курсов.

ИЗ ИСТОРИИ ВУЗА

Главный вход на территорию бывшего 12-го Астраханского полка со стороны улицы Бухаринской (Волочаевской). Фото сделано в период между Первой и Второй мировыми войнами.

Улица, известная нам как Волочаевская, когда-то называлась Золоторожской (от ручья Золотой рожок), а после 1919 года стала называться Бухаринской (по имени революционера). Нынешнее свое название улица получила в 30-е годы прошлого века в память о сражении у дальневосточного села Волочаевка в 1922 году.

12-ый Астраханский гренадерский полк овеял себя славой в многочисленных сражениях. Когда-то легендарным полком командовал сам Суворов. В разное время в нём служили Багратион и Кутузов. Шефами полка были императоры Александр II и Николай II. Последний и определил ему место дислокации: Москва, Лефортово, улица Золоторожская. Там был выстроен комплекс зданий, получивший название Астраханские казармы. В них полк располагался вплоть до революционных событий 1917 года.

Строевой смотр на фоне исторических казарм, осень-зима 1973 г. Автор первый слева.

Прибыв в институт, Олег стал приглядываться к своим однокашникам. Среди них были вчерашние школьники, выпускники суворовских училищ и ребята, прибывшие из войск.

Из суворовцев выделялся Витя Устюменко (Устя), симпатичный молодой и очень стройный парень. Устя был несомненным талантом, обладал прекрасным голосом, имел музыкальную подготовку и пел всегда и везде. Вместе с другим сокурсником Валерой Тарасовым по кличке Камень вполне мог исполнить как строевую песню курса: «Эх Ладога, родная Ладога...», так и сольную партию из своего довольно обширного классического репертуара на итальянском или французском языке. Не только у Олега, но и его многочисленных друзей неоднократно возникал при этом справедливый вопрос о том, зачем при таких вокальных способностях учить арабский язык, да и еще в условиях казарменного быта. Но, как говорится, хозяин – барин!

А еще Виктор запомнился Олегу по лагерному сбору. Однажды во время утреннего марш-броска, маршрут которого проходил по заросшему травой участку местности вдоль забора, за которым виднелся колхозный яблоневый сад, нашему переводчику пришла на ум лукавая идея сократить дистанцию. Этому было логическое объяснение: тропинка уходила резко на подъем и дышать становилось труднее. Бегущие в утреннем предрассветном тумане растянулись, и рядом не было ни души.

Не особо раздумывая, молодой человек легко перемахнул через забор и оказался в саду. Первое, что он увидел там, была картина маслом: охваченный лучами утренней зари Витя Устюменко, стройный как античный бог, лакомился запретными плодами, пробуя их с разных деревьев. Увидев однокашника, он невинно улыбнулся. Когда Олег приблизился к своему будущему другу, то увидел и почему-то запомнил на всю жизнь, как трепетало в груди у парня от недавнего бега его молодое сердце.

* * *

В категорию прибывших из войск входили не только те, кто по-настоящему хотел учиться в институте, но и те, кто лишь решил «прокатиться», то есть уехать из своих частей хотя бы на время. Солдат спит – служба идет!

Все новобранцы кучковались: старослужащие со старослужащими, салаги (вчерашние школьники) с салагами. Однако дедовщины, в ее негативном смысле, все же не было. Преобладали воинские традиции. Да и самоуважение служивших, основанное на любви народа к армии, было еще живо.

Пошел учебный процесс. В нем вчерашние школьники чувствовали себя значительно сильнее старослужащих. И те потянулись к своим новым молодым друзьям. Произошла ломка стереотипов, и разнородная масса, постепенно освобождаясь от «попутчиков», стала медленно, но верно превращаться в дружный воинский коллектив. Его формирование завершилось к третьему-четвертому курсам, то есть после первых командировок, в которых ребята, хлебнув лиха, накрепко притерлись друг к другу.

Олег быстро освоился в кругу новых знакомых, и уже на первом курсе у него были в друзьях и вчерашняя молодежь, и старослужащие: Серёжа Колесов, Миша Абрамов, Игорь Сахаров, Валера Ярош, Валера Коновалов, Володя Княжев, Серёжа Печуров, Саша Серков, Витя Устюменко, Андрей Чекулаев, поменявший в последующем свою фамилию на Васильков по каким-то семейным причинам, и многие другие ребята, которых он считал друзьями тогда и продолжает считать теперь. Жаль только, что все они смертны!

Салаги принимали присягу в революционный праздник 7 Ноября. Их построили на плацу, выдали автоматы и стали вызывать из строя по трое. Путая левое с правым, волнуясь и неумело отдавая честь начальнику, они звонкими прерывающимися голосами читали текст воинской клятвы. Действо происходило в присутствии многочисленных родителей и родственников, допущенных по столь торжественному случаю на территорию института. Многие отцы, будучи военными, были одеты в парадные мундиры с боевыми орденами и медалями. Здесь находились старшие офицеры, генералы и даже маршалы, в окружении которых гордо стоял начальник института генерал-полковник А. М. Андреев, сияя многочисленными наградами, как своей Родины, так и тех стран, в освобождении которых он принял самое активное участие. Было видно, что многих из присутствующих военачальников Андрей Матвеевич знает лично еще со времен войны.

После принятия присяги всю молодежь отпустили в город в увольнение до 23 часов вечера.

Вышел за ворота института и Олег. Он сел в трамвай, доехал до метро «Бауманская» и спустился вниз по эскалатору, забитому до отказа его будущими однокашниками – москвичами, путешествовавшими с папами, мамами, друзьями и подругами.

После двухчасового бесцельного болтания по городу наш друг вернулся в институт, сдал пропуск дежурному офицеру и направился в казарму.

Помещение было безлюдным. Только «на тумбочке» маялся дневальный, расхристаный до пуха, да в умывальнике щипали гитару два его однокашника: Валера Ярош и Саша Жестков. Оба они были одеты в военное галифе, сапоги и «вшивники»³, и оба не пошли в увольнение.

– «Москва златоглавая, звон колоколов», – выводил на гитаре Ярош.

– Играешь на гитаре? – спросил у Олега Жестков.

– Да, немного.

Оба друга одобрительно кивнули, жестом приглашая его присоединиться.

Игра на гитаре и любовь к мелодиям шестидесятых сплотили друзей. Они потянулись друг к другу, на ходу сообщая все, чем живут и дышат.

– Давай вместе встретим Новый год, – предложил Олегу Валера Ярош. – Когда отпустят в увольнение, пойдем на праздник к моим друзьям.

Олег, для которого Москва оставалась чужим городом, конечно же согласился.

³ Вшивники – теплые вещи, обычно свитера и полуверы, которые надевают под гимнастерку (военный сленг).

* * *

Переодевшись в гражданское, парни с гитарой наперевес шли по улочкам Нового Арбата. С неба падал крупными хлопьями густой предновогодний снег. Было тепло и тихо. Ни малейшего дуновения ветерка. Они шагнули в гулкий подъезд трехэтажного здания, расположенного в хитросплетениях района, и поднялись на второй этаж.

Дверь квартиры оказалась распахнутой настежь. Здесь по многочисленным комнатам шныряла незнакомая Валере и уж тем более Олегу молодежь. В гостиной был накрыт стол с едой и спиртными напитками, который время от времени посещали, затем исчезая в недрах огромного жилища, его обитатели.

Народ вел себя непринужденно, копируя, как решили для себя друзья, модное в то время поведение хиппи.

Своих друзей Валера искать не стал, «Пусть себе хиппуют!»

Парни присели к столу и расчехлили гитару. Так и просидели, исполняя авторские песни и любимые мелодии, никем не потревоженные до самого утра.

Простились у метро «Смоленская» уже где-то около семи утра. Валера решил заехать домой, а Олег потянулся к институту. До конца увольнения еще оставалось несколько часов, но в притихшем от праздничной маяты городе нечего было делать.

* * *

За новобранцев взялись всерьез, чтобы служба не казалась медом. Особенно нажимали на обучение иностранным языкам, но и кафедры военных дисциплин не отставали. А как же – ведь готовили не просто толмачей, а военных переводчиков!

Среди преподавателей военных кафедр были несомненные звезды. Здесь царствовали такие люди, как полковник Жаров, преподаватель тактики, родной брат народного артиста, высокий черноволосый красавец – гроза всех женщин института; полковник Бардадым, преподаватель боевой техники и боеприпасов, уютный и невозмутимый дядька, с невероятным украинским «ч» волшебным произносивший «зачет» и «очко головодонного взрывателя», объясняя, из чего состоит снаряд, и многие другие офицеры, прошедшие в свое время «огни и воды» и заслужившие спокойную жизнь преподавателя неосновной кафедры военного вуза. По сути, эти люди забавлялись, наслаждаясь долгожданным покоем, хорошо понимая, что будущий переводчик должен, прежде всего, ухватить терминологию.

– Жабько, что вы все улыбаетесь? – спросил одного из слушателей полковник Кокин, преподаватель модной в те времена военной дисциплины – ОМП (оружие массового поражения).

– И вовсе я не улыбаюсь! – обиделся вертлявый молодой человек, получивший впоследствии за свою непоседливость прозвище Забота.

– А почему тогда у вас рот не закрывается?

– Ну, почему это не закрывается?! – обижался Жабько. Справедливости ради нужно сказать честно, что у Володи и впрямь было не все в порядке с прикусом.

– Ну, тогда, может быть, задачу решите? – не унимался преподаватель. – Представьте себе, что по вашему соседу (полковник имел в виду соседнее подразделение) противник нанес наземный ядерный удар сверхмалой мощности. Ветер дует с востока со скоростью пять метров в час. Ваши действия?

– Превращаюсь в радиоактивное облако и продолжаю уничтожать противника! – враз нашелся проказник.

Глава 3

Шарм, 2006 г

– Доброе утро, – приветствовала по-английски вошедшую в ресторан пару менеджер зала, молодая, симпатичная египтянка Хасанат.

– Ва алейкум ас-салям!⁴

– Вы говорите по-арабски? – уже на родном диалекте спросила Олега девушка.

– Ну да.

– А откуда вы приехали?

– Из России, – сказал мужчина, направляясь к шведскому столу.

– Что вы там делаете? – не унималась молодая египтянка.

– Живу, – ответил Олег, наполняя тарелку.

– Но ведь там холодно! – изумилась Хасанат.

– О чем вы говорили?

Алла уже успела положить себе еды и заняла место у столика, выходящего окном на зеленую веранду ресторана. Олег передал ей содержание диалога, затем осмотрелся, наблюдая за местной публикой.

Отдыхающих из России было много. Но россияне между собой почти не общались. Это он заметил уже давно, перемещаясь по миру в качестве туриста. Из-за этого по залу раздавалась в основном английская и немецкая речь.

Англичане и немцы за рубежом всегда сбивались в шумные компании. Вместе сидели допоздна в барах, танцевали и пели свои песни. Возвращались всегда под утро, весело галдя и ничуть не считаясь с тем, что кто-то в гостинице может уже отдыхать.

Наиболее шумными всегда были немцы. Как правило, очень сдержанные у себя на родине, они просто отрывались по полной за рубежом. Им было абсолютно все равно, где они находятся: в Испании, Египте или на Кипре.

И только русские всегда сторонились друг друга. Олег не мог понять, отчего это так. Ведь и немцы, и наши – в равных условиях. Все за рубежом, а не дома. Так что же искорежилось в нашем сознании, если мы избегаем друг друга?

– У тебя все хорошо? – с тревогой в голосе спросила жена.

– Ну да. Просто задумался.

Но мысли не давали покоя. И все же... почему мы стесняемся своего языка? Зачем нам знать все эти иностранные: английский, арабский и прочие? Ведь англичане же говорят по-английски, то есть на своем родном языке. Также и немцы. Никто из них не снисходит до изучения иностранного языка, никто не напрягается. Это им не нужно. Все учат их языки, чтобы общаться с ними.

Почему в отеле с нами не говорят по-русски те, кто нас обслуживает? Разве это не их обязанность? Русских ничуть не меньше, чем других иностранцев за рубежом. Наши туристы занимают одно из первых мест по количеству практически на всех курортах мира. Денег за рубежом русские тратят намного больше, чем, например, англичане, которые никогда и нигде не переплатят. Но любят их, а не нас!

Ему вдруг вспомнилась поездка в Финляндию летом 1999 года.

В России стояла жуткая жара, и, убегая от нее, семья в полном составе: родители, а с ними взрослый 24-летний сын – задумала укатить куда-нибудь, где прохладнее.

⁴ И тебе мир! (Араб.)

Решили снять дачу у воды на востоке Финляндии. Но, приехав туда, поняли, что и здесь тоже жарко. Однако отдыхать – не работать! Спустя несколько часов вся семья блаженно купалась в финских озерах.

Хозяин, у которого они остановились, богатенький Буратино, не говорил ни на каком языке, кроме финского: объяснялись, как с туземцем, на пальцах.

Как выяснилось позже, при посещении соседних городков, никто, за редким исключением, ни на каких иностранных языках не говорит. И это не где-нибудь, а на востоке благополучной Финляндии, непосредственно примыкающей к территории России!

Все инструкции к товарам и даже к лекарственным препаратам (пришлось посетить аптеки из-за болезни сына) были исключительно на финском языке.

Позже выяснилось, что сын хозяина, парень лет тридцати, инженер-строитель, работает в Москве, знает русский не просто хорошо, а даже очень хорошо.

Ну прямо как в известной песне: «...только в клетке говорят попугаи, а в лесу они язык забывают».

– Пойдем скорее на море, а то еще немного – и будет очень жарко, – вывела из невеселых размышлений жена.

Глава 4

Москва. Военный институт, ноябрь 1968 г

– Вот эти самые худшие, – сказал преподаватель арабского языка начальнику курса майору Яшину, указывая на пятерых слушателей, виновато понуривших головы. – Надо подумать, стоит ли им продолжать учебу.

Преподаватель, шеголевато одетый мужчина средних лет, был из гражданских. Он появился в институте на волне вспыхнувшего на Востоке противостояния. После окончания вуза мужчина, скорее всего, не работал с языком. Об этом говорила неуверенность в знаниях, которую он демонстрировал. Нередко, приходя на занятия в группу, он просил поднять материал, который давал накануне, и что-либо в нем поправить.

– Ладно, Володь, оставь нас, нам надо поговорить, – повернулся Яшин к преподавателю, и тот послушно вышел из кабинета.

Майор Яшин Михаил Николаевич, калмык по национальности, в коротковатых армейских брюках с неизменно наведенными на них стрелками, смешно и неподражаемо произносил слова, особенно их окончания. Добрый и сердечный человек, всегда был готов понять любого, но задача есть задача. Ее надо выполнять!

– Ну, вы что, не можете какую-то элементарщину выучить? Подумаешь, арабский язык: «газани бабани»⁵, – смешно выговорил он, демонстрируя свои познания в языке. – Я вон все уставы наизусть знаю! И ничего, – важно заключил майор.

Слушатели незаметно переглянулись.

– Я вам поулыбаюсь! А тебе, – он обратился к Олегу по фамилии, – и вообще стыдно. На пятерку сдал английский при поступлении, а сейчас что? Эти-то хоть из армии пришли. Забыли там все на хрен, а ты что? Идите, и чтобы больше этого не был! – проснулся в майоре калмык.

⁵ «Эти две двери» (араб.).

* * *

Преподавателей в Военный институт набирали, что называется, из народного хозяйства. Долгое время советская арабистика была в загоне. Никому со времен Великой Отечественной войны эти специалисты были не нужны. И люди ушли кто куда. Одни встали к станку, другие уехали в сельскую местность.

Но наступил 1967 год – война на Ближнем Востоке. И об арабистах вспомнили. Их стали собирать по крупицам. Многие из теперешних преподавателей ВИИЯ были гражданскими людьми и сами капитально подзабыли арабский язык. Но были и такие, кто все годы войны, до нее и после служили в спецслужбах и выполняли различные тонкие задачи в разных частях света, подчас имея гражданство других государств.

Эти люди, без всякого преувеличения, были гордостью не только Вооруженных сил и спецслужб, но и всего Советского Союза. Под их кураторством в Военном институте в короткие сроки была сформирована прекрасная когорта преподавателей – лучших не только в Москве, но и в СССР, способных готовить высококвалифицированных переводчиков для нужд армии и флота, а также для спецслужб.

* * *

Выйдя из кабинета начальника курса, Олег задумался о том, что, наверное, трудно или даже совсем невозможно объяснить человеку, далекому от языка, что он поступил в институт для того, чтобы учить английский, а не вообще какой-нибудь иностранный язык. Да и что это такое – каракули какие-то! (Речь шла об арабской вязи. Он видел нечто похожее на бутылках с минеральной водой. А теперь от него требуют это учить! Ну просто дурдом!)

В коридоре он увидел сидящих поодиночке жопников (на сленге слушателей ВИИЯ «жопник» – это зубрила), которым было все равно, что «жопить», и ему стало тоскливо.

На самоподготовке жопники разбивались по парам и пытались учиться, контролируя друг друга. На практике эти старания были малоэффективными.

– Бэээбун!⁶ – неуверенно с тоской в голосе тянул бравый в повседневной жизни кадет Виктор Гукайченко, носивший за солидный размер шеи кличку Дядя.

– Почему это «бэээбун»?! – злился на непонятливого суворовца преподаватель арабского языка Константинов, мужчина маленького роста, щуплый, злющий и прокуренный, прозванный за свою невзрачную внешность Тараканом, один из немногих вольнонаемных преподавателей военного вуза. – Не «бэээбун!», а «баабун!» – нервно тарабанил он желтыми от никотина пальцами по столу.

Недоуменно похлопав мохнатыми ресницами и слегка помедлив, Гукайченко вновь открывал рот:

– Бэээбун!

– Тьфу ты! – вскакивал со стула Таракан и начинал носиться по классу из стороны в сторону. Поистратив свои нервные клетки где-то «в другой жизни», Константинов был близок к тому, чтобы запустить мелом в «тупого двоечника». Что иногда и делал.

⁶ Дверь! (Араб.)

* * *

Впоследствии Олег все-таки взялся и выучил арабский язык, потому что занятие языком, пусть хоть и таким, покажется ему единственным развлечением в условиях малокомфортного военного быта. Все остальное время было посвящено строевой муштре, бесконечным нарядам на кухню и тумбочку дневальным, болтанию на перекладине, ну и конечно, бегу в сапогах и всенепременно с голым торсом, хоть летом, хоть зимой.

Много позже он неоднократно в своих размышлениях зрелого человека оценит преимущества военной школы выживания и подготовки. Да, только так, по принципу «не умеешь – научим, не хочешь – заставим», и можно было выполнить труднейшую на тот период времени задачу – дать основы языковых знаний и навыков, да еще и в рекордные сроки – всего за два года! – тем, кого немедленно нужно было использовать по назначению.

Некоторые не выдерживали напряжения. И естественный отбор пошел. А наш парень – уперся: успешно сдав сначала зимнюю, а потом и летнюю сессии, он перешел на второй курс, твердо выйдя на хорошие и отличные оценки.

На 2-м курсе всех арабистов (была еще пара групп слушателей, изучавших китайский и персидский языки) стали рассортировывать по мини-группам: на «продвинутых» и «задвинутых» в учебе. «Продвинутых» планировалось использовать за рубежом, а «задвинутых» – только на территории СССР для подготовки и переподготовки иностранцев в многочисленных учебных центрах, разбросанных по всем бывшим союзным республикам. Но, как показало время, и те и другие оказались в конце концов за границей. Слишком велик был спрос на военных переводчиков, и слишком мало предложение! Кроме того, были и потери.

Справедливости ради нужно сказать, что арабский язык в СССР изучали не только в ВИНЯ. Специалистов готовили и в других вузах необъятной страны. Их также пытались использовать как военных переводчиков, спешно призывая вчерашних студентов на военную службу и цепляя на них погоны офицеров-двухгодичников.

Но в основной своей массе эти специалисты не соответствовали предъявляемым требованиям военно-экономического сотрудничества, развернувшегося одновременно в десятке арабских государств Ближнего Востока и Африки. Использовать их сразу в работе было практически невозможно. Отчасти это была не их вина, так как в институтах и университетах, где они проходили подготовку, студентам не давали навыков военного перевода и не обучали диалектам арабского языка.

Они пытались говорить на литературном, и арабы в своем большинстве их просто не понимали. К тому же и прочных навыков устной речи у них еще не было. Но самым сложным для бывших гражданских людей, призванных на воинскую службу, было полное незнание военной терминологии. И чтобы хоть как-то завоевать уважение местной стороны, двухгодичники, а это были в основном представители высших школ Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана, прибегали к испытанному оружию – позиционировали себя в качестве правых мусульман. Этим они не снискали уважение арабов, которые инстинктивно тянулись к тем, кто давал им фору не только в знании военной и боевой техники, но и в самом арабском языке, нередко искренне изумляя «носителей древней культуры». Шли боевые действия, гибли люди, и для арабских стран важнее всего были боевая подготовка и военная наука.

Арабская сторона пыталась использовать в деле и свои местные кадры переводчиков, которые, по соглашению с СССР, проходили подготовку в Одессе. Но, как показала жизнь, арабские переводчики, даже имея хорошие и отличные навыки владения русским языком, все же так и не смогли дотянуться до уровня военного переводчика из ВИНЯ. Местные кадры быстро утомлялись, требовали для себя хороших условий быта, избегали ответственности и

уж тем более – личного участия в боевых действиях. К тому же частенько среди этой категории лиц водились предатели.

Глава 5

Сирия, Дамаск, лето 1970 г

Сделав пару кругов над аэродромом, лайнер из России приземлился в Дамасском аэропорту. Из самолета вышла странная группа молодых людей, одетых в одинаковые белые без рукавов поплиновые рубашки и в основном одинаковые же костюмы (склад № 5 Министерства обороны СССР не страдал особым разнообразием). Впрочем, одеты все были весьма прилично, хоть на танцы!

В составе группы из двенадцати вновь прибывших переводчиков находился и наш знакомый.

Сирия встретила жарким воздухом и солнцепекком. Все сразу рассупонились, сняв пиджаки и галстуки.

В здании небольшого аэропорта царила прохлада. Их встречали. Таможню прошли, не вскрывая багажа, лишь предъявили служебные синие паспорта для проштамповки. Нужно сказать, что вся группа путешествовала налегке.

Подогнали автобус, а когда все расселись, встречающий представился:

– Капитан Петров. Сейчас проедем в офис, там получите деньги – и вас распределят на работу кого куда.

Глядя на таджикское лицо Петрова и улавливая едва заметный южный говор встречающего, Олег подумал, что тот вполне мог бы представиться Ивановым или Сидоровым. Впрочем, это ничего не меняло.

Водитель-араб включил радиоприемник на полную мощность, и автобус тронулся под гортанные возгласы и улюлюканье какого-то арабского ансамбля.

За окном потянулся однообразный пейзаж каменистой полупустыни с редкими колючками и пережатыми полями. Слева от дороги, на некотором удалении, возвышались пегие холмы.

Картина начала меняться минут через 25–30, когда стали появляться первые кирпичные строения у клочков распаханной рыжей земли, на которой росла какая-то незнакомая, похожая на кукурузу зелень. Это был пригород Дамаска.

Прилетевшие из Москвы переводчики жадно смотрели в окна, так как в гомоне и какофонии гортанных звуков, которые вырывались из радиоприемника, общаться между собой было немислимо.

Въехав в город, водитель выключил наконец радио и сбавил скорость. Проезжая по узким улочкам, приходилось все время вписываться в повороты и уклоняться от возможных столкновений с другими транспортными средствами, появлявшимися внезапно из ниоткуда.

Нужно сказать, что правил дорожного движения не соблюдал никто. Хаос на дороге водители пытались преодолевать жестами вытянутой руки. Все окна транспортных средств «колоннального вида» были распахнуты, и каждый участник дорожного спектакля активно жестикулировал.

Переводчики жадно вслушивались в возгласы и крики, раздававшиеся с улицы, силясь понять их смысл. Честно говоря, понятного было мало.

Но вот автобус вынырнул из бесконечного торгового гарлема и покатил по более широкому, разделенному надвое бетонной пешеходной линией улицам центра города. Стали появляться первые отели и площади, на которых с бетонных стаканов важно руководили движением полицейские, одетые во все белое.

Транспортные средства – самые разнообразные. Новых машин почти не было. В основном весь парк состоял из видавших виды мерседесов, пежо и ситроенов, потертых и побитых в бесконечных дорожно-транспортных происшествиях.

Маневрируя, автобус въехал в особую зону тихих улочек, где располагались офисы госучреждений и особняки богатого люда. Здесь было очень зелено и красиво. Территории домов окружали стриженные кусты изумрудной зелени, в воздухе растворились терпкие запахи неведомых цветов. Стали попадаться «цивильные» магазины, кафе и клубы.

– Смотри, клуб «Локомотив», – прочитал надпись на английском языке один из приятелей Олега. – Вряд ли это место отдыха местных железнодорожников, ведь в Сирии железных дорог нет!

И друзья вместе весело рассмеялись.

Автобус с переводчиками въехал на красивую площадь, в центре которой располагалась нарядная яркая клумба. Здесь располагалось несколько роскошных особняков с плоскими крышами и затемненными большими фрамугами.

– Вон в том доме живет сам президент Нуреддин аль-Атаси⁷, – ожил капитан Петров. – Отсюда нам еще минут пять в гору.

И, словно повинувшись его словам, автобус развернулся и резко пошел вверх по тихой зеленой улице, сплошь усаженной пальмами. Впереди, по ходу автобуса, показалась высокая гора. По ее пологому склону карабкались многочисленные белые домики, а на самом верху маячила средней величины телевизионная вышка.

– Это гора Эль-Касьюн, – пояснил Петров. – Там заканчивается город.

Вскоре автобус остановился у чугунной ограды большого особняка, и приехавшим было предложено разгрузиться.

В офисе на улице Абу-Руммани переводчиков продержали часов пять. Сначала их повели к врачу – человеку в украинской национальной рубашке.

Как потом выяснилось, «хохляцкий доктор», он же капитан Фоменко, мало чего понимавший в медицине, был ярким представителем «военных коновалов». Но и прохвостом он был высшей марки. Зализывал все места у начальников как только мог и являлся незаменимым домашним эскулапом всех основных руководителей аппарата Главного военного советника в Сирии. Достаточно сказать, что врач, ни разу не выезжавший на боевые задания и не покидавший своего удобного кабинета в роскошном особняке в течение всего срока заграникомандировки, уезжал в СССР, увозя с собой орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». При этом никто особенно не скрывал, кому изначально предназначались эти боевые награды...

Фоменко минут сорок инструктировал новичков, рассказывая им, как и чем необходимо обрабатывать фрукты, прежде чем употребить их в пищу. Говорил, что нужно кипятить воду и ни в коем случае не пить ее из-под крана, страдал малярией и даже брюшным тифом. Одним словом, «провел работу».

Потом их собрали в общем зале для встречи с Главным военным советником в Сирийской Арабской Республике, генерал-лейтенантом танковых войск Салтаном Хекезовичем Магометовым. Герой Советского Союза и участник Великой Отечественной войны, Магометов был человеком суровым, никогда не улыбался, а если кто-нибудь попадал к нему на «ковер», то «впечатлений» хватало надолго.

Главный военный советник кратко обрисовал невеселую ситуацию в сирийской армии и стране в целом. О сирийской армии сказал, что она подготовлена слабо и самостоятельно не может противостоять израильтянам. Генерал охарактеризовал текущий период времени как

⁷ Президент Сирии, был смещен Хафезом Асадом в результате бескровного переворота в 1970 г.

период «похолодания» в отношениях между Сирией и СССР, что, по его словам, в полной мере ощущалось в войсках.

Затем с каждым из новичков побеседовал особист, и после долгого перерыва и ожиданий у фонтана во дворе их вновь собрали в зале и объявили, кому и где придется служить в заграникомандировке.

По распределению Олег остался жить в Дамаске и попал в первую танковую дивизию Сирийских вооруженных сил, дислоцированную в районе Киеве, вблизи Голанских высот.

Представить отцам-командирам обещали через три дня, а пока дали время для адаптации. Было строго приказано, несмотря на хорошее в целом отношение сирийцев, в городе появляться только группами, не менее двух, а лучше трех человек. Но и в кучи не сбиваться.

Затем всех, кого отобрали для службы в центральном гарнизоне (воинские части вокруг Дамаска), отвезли в гостиницу «Рамзес I».

Гостиница, расположенная в старом районе города, оказалась весьма комфортабельной, имела ярко выраженный восточный колорит: фигурная резьба по камню, двери из красного дерева, фонтан на втором этаже, мерцающие разноцветьем лампочки в холле, кальяны и прочее.

Из всей группы прилетевших в Сирию переводчиков в Дамасском гарнизоне осталось пятеро. Каждого поселили в отдельный стандартный гостиничный номер с огромным «секс-дромом» (безразмерная арабская кровать) на две персоны, большой ванной и балконом на улицу.

Побросав вещи, все пятеро собрались в холле у ресторана, где предстояло ужинать. Странно, но, хоть перелет из Москвы и сама дорога были довольно утомительными и долгими по времени, голода никто не ощущал. Душило лишь одно желание – выскочить поскорее на улицу и вдохнуть воздух другой страны. До жути хотелось вербального общения с носителями чужого языка, хотелось смотреть и анализировать все увиденное!

Молодые люди почти выбежали из отеля, и в лицо им пахло теплом южного вечера, наполненного чужими голосами и запахами. Ходили долго и никак не могли надышаться воздухом свободы. Шутка ли – от казармы и муштры – за рубеж! А как все необычно и не похоже на нас! Горели витрины бесчисленных магазинов, уличные кафе утопали в гирляндах лампочек и зелени. В воздухе витало настроение праздника – праздника жизни.

Вслед за пешеходами, на расстоянии трех-пяти шагов, неотступно двигались вереницы такси в ожидании лишь одного кивка или взмаха руки, чтобы в любой момент доставить куда прикажут.

По улицам города гуляли, обнявшись, сирийцы. Молодые парни лет 20–25, взявши друг друга под руки, образовывали длинные шеренги, перегораживая всю улицу. Подумалось вдруг: а как же война? Уж очень все как-то мирно и празднично. Кто же воюет с евреями, если вся молодежь вот так, мирно беседуя, болтается по городу? А может, и нет никакой войны? Была, да и вся вышла?!

Настроение у всех было приподнятым. Вернулись в отель, но спать не хотелось. Посидели еще в холле, слушая тихое всхлипывание воды в резном фонтанчике, стилизованном под восточный цветок, но все же усталость от проделанного пути давала знать о себе. И переводчики потянулись в свои номера.

Олег принял душ и вышел на балкон. Прямо перед его глазами, метрах в пяти, стояла свеча минарета, на резной стене которого красовался колокольчик радиоточки.

Подумалось: «Вот дают, уже и молятся с применением технических средств!» Иных догадок увиденное в тот момент не принесло.

Все стало очевидным в пять часов утра, когда колокольчик на минарете ожил гнусавым голосом муллы, призывавшего правоверных к утреннему намазу. И так громко, словно бы началась война.

Наш переводчик сначала вскочил спросонья, а когда понял, что происходит, снова лег, пытаясь уснуть и прикрывая голову подушкой. Но тщетно. Затем пошарил рукой на полу у кровати и запустил ботинком в сторону минарета.

Глава 6

Сирия, 1970 г. Период адаптации

Итак, адаптация началась с пробуждения в отеле «Рамзес I». Было около семи часов утра, можно было еще поваляться. Завтрак начинался только в 8:00, а чтобы попасть в ресторан, достаточно было лишь спуститься на один этаж. Но спать не хотелось. Да и какой сон, когда вокруг столько интересного!

Олег свесил ноги с кровати, собираясь идти в ванную. Но из пары купленных только вчера рыжих замшевых полуботинок в наличии оказался всего один. Наш друг обшарил все под кроватью, но второго так и не нашел: «Во дела!»

Что ж, пошел в ванную босиком. Надевать черные московские туфли фабрики «Скороход» как-то не хотелось.

Времени было много. Не торопясь, блаженно постоял под горячей водой. С удовольствием побрился новым, также купленным вчера вечером станком «Жиллет».

Выйдя из ванной на балкон, невольно взглянул на минарет. И тут же все вспомнил: его любимый рыжий полуботинок, который он тщетно искал под кроватью, торчал из зубчатой стены минарета в метре-полтора от ненавистного радиорупора.

«Недолет», – мысленно оценил траекторию полета обуви Олег. И все-таки одного ботинка для перемещений ему явно не хватало, и он быстро вышел на улицу, чтобы буквально за углом купить пару точно таких же.

А город уже давно жил своей будничной жизнью. Горланили зазывалы и торговцы, раздавались клаксоны толкающихся на площади автомобилей. В воздухе витал запах вареной кукурузы и еще какого-то неведомого плода, с незнакомым названием «субара» (съедобный плод кактуса), которым торговали повсюду с передвижных лотков.

Историческая справка

Дамаск – столица Сирии. Население около 4 млн человек (Дамаск и область, по данным 2002 года). Один из старейших городов мира. Считается старейшей из постоянно населенных столиц. Первые упоминания 2500 г. до н. э. Расположен в нижнем течении реки Барада, где она разделяется на семь рукавов. Дата его основания теряется в веках до начала нашей эры. Средневековый арабский историк Ибн Асакир (XII в.н. э.) утверждал, что первой стеной, воздвигнутой после всемирного потопа, была Дамасская стена, и относил возникновение города к IV тыс. до н. э. Есть также мнение, что город был основан еще раньше – Адамом и Евой. Первые исторические сведения о Дамаске относятся к XV в. до н. э., когда город находился под властью египетских фараонов. Также он входил в состав Ассирии, Нововавилонского царства, Персии и империи Александра Македонского. В 85 г. до н. э. Дамаск захватили набатейцы, а в 64 г. до н. э. римский полководец Гней Помпей присоединил его к Римской империи. Здесь размещалась штаб-квартира римских легионов, воевавших с персами. В 395 г. город вошел в состав Византии. Первые христиане появились в Дамаске уже в I в. после визита апостола Павла.

Улица Мидхат Паши, пересекающая старый Дамаск с востока на запад, – прямое наследие римской планировки. При римлянах она называлась Виа Ректа, то есть Прямая улица.

Знаменита эта улица тем, что упоминается еще в Библии, так как связана со святым апостолом Павлом.

В юности будущий апостол был гонителем христиан, но все изменилось, когда близ Дамаска в потоке света ему явился Иисус. Слепленного Савла, так до крещения звали Павла,

привели в город на Прямую улицу к некоему Иуде. Где именно на Виа Ректа стоял дом Иуды, неизвестно. Но на одной из примыкающей к ней узких улочек показывают другой дом, связанный с именем апостола Павла.

В Дамаске также жил и один из учеников Христа – Анания. Он излечил Савла от слепоты, крестил его, нарек именем Павел и благословил на миссионерскую деятельность...

Здесь до сих пор осталась часовня – которая в наши дни называется часовней Святого Анания, – где когда-то собирались первые христиане Дамаска. Святой Анания считается первым епископом Дамаска. Он один из семидесяти учеников Христа, которых тот, как сказано в Евангелии, «послал перед лицом своим во всякий город и место, куда сам хотел идти». За проповедь христианства Анания был предан мученической смерти.

По легенде новообращенному Павлу, чтобы не быть схваченным, пришлось срочно покинуть Дамаск. Единомышленники помогли ему бежать, спустив в корзине с городской стены.

С 661 по 762 г. Дамаск был столицей халифата династии Омейядов, простиравшегося от Инда до Пиренеев. Позднее город был под властью египетских династий, а в 1076 г. стал частью государства турок-сельджуков. Крестоносцы тоже пытались захватить Дамаск, но безуспешно. В 1154 г. его оккупировала армия арабского полководца Салаха ад-Дина.

В 1260 г. власть в Дамаске захватили египетские мамлюки. Период их правления ознаменовался расцветом искусства и ремесла. В Европу экспортировалась дамаская сталь и дамасское стекло. В 1300 г. Дамаск разграбили монголы. Они устроили такую резню, что, по свидетельству арабского историка аль-Макризи, «по улицам рекой текла кровь». В 1400 г. Тамерлан разрушил город до основания. Лучших оружейников и ремесленников увел в рабство в Самарканд. Когда в 1516 г. Дамаск занимали войска турецкого султана Селима, город все еще лежал наполовину в руинах.

В Османской империи Дамаск стал одним из провинциальных центров, известных только как транзитный пункт для паломников, отправлявшихся на хадж в Мекку.

В 1833 г. Мехмед-Али, овладев Сирией, подчинил себе временно и Дамаск; но европейские союзники султана возвратили его вместе с Сирией Турции (1840). С 9 по 16 июля 1860 г. Дамаск был свидетелем ужасной резни христиан друзьями.

С 1920 по 1943 г. Дамаск был административным центром подмандатной территории Сирии, подчинявшейся Франции, а после провозглашения независимости Сирии в 1943 г. стал ее столицей.

* * *

Спустившись вниз, Олег обнаружил стоящих у витрины табачной лавки отеля двух своих коллег. Те с восхищением разглядывали местное разнообразие сигарет иностранных брендов: «Ротмане», «Кент», «Три пятерки» и прочее.

Тогда Олег еще не курил, но не мог не оценить ассортимента, ведь верхом мечты в Москве в те годы были скромные болгарские сигареты, за которыми еще предстояло побегать.

Втроем вышли на шумную площадь и сразу оказались в центре внимания местных торговцев. Со всех сторон им предлагали жвачку, сигареты, прохладительные напитки и т. д.

Стараясь продвигаться через набежавшую толпу и на ходу отмахиваясь от местных попрошайек, друзья вышли на соседнюю улицу, которая привела на центральный городской рынок Сук Эль-Хамидийя, один из самых знаменитых на Ближнем Востоке.

Чего там только не было! Золотые украшения, бусы, драгоценные и полудрагоценные камни, модные в то время мохер и гипюр – одним словом, все то, за чем гонялись и о чем мечтали все московские модницы. Весь этот товар был представлен в изобилии.

В те годы в Москве только-только начали появляться золотые кольца с резьбой по золоту. В основном привезенные из-за рубежа. Здесь же этих колец были, без преувеличения, целые

улицы! Глаза ломило от ярко-желтого света золотых украшений. Среди довольно грубого золотого лома, предназначенного для повседневной носки в виде ожерелий на шеях арабских женщин, были и более дорогие ювелирные изделия из Италии и Франции.

К восьми утра друзья уже вернулись в отель, присоединившись к двум оставшимся там своим коллегам. К завтраку подали яйца, сыр, молоко, сок, белый хлеб, джем и масло. Чай и кофе на выбор. Это был стандартный утренний набор во всех отелях и гостиницах Сирии. Его почему-то называли «континентальный». Не ясно было, почему именно. Друзья пришли к выводу, что все эти названия остались от колониальных времен. Ведь Сирия в течение многих лет оставалась протекторатом Франции.

За столом решили, что вновь пойдут гулять по городу, только уже в другую сторону от отеля.

Вечером в «Рамзес» приехал встречавший переводчиков в аэропорту капитан Петров. Он прибыл не один, а в сопровождении двух коллег-переводчиков, старшекурсников из Военного института. Они находились в Сирийской Арабской Республике уже больше года.

Задав два-три стандартных вопроса и пробыв минут пятнадцать в отеле, Петров удалился, сославшись на занятость. Друзьям стало понятно, что за ними приглядывают, впрочем, вопросов к своим старшим коллегам у них накопилось множество.

Болтали часа два, затем старшие удалились, пообещав показать в городе все самые классные «заведения» и сводить завтра же в офицерский клуб на Салхие (центральная улица Дамаска), где подают замечательное пиво с солеными фисташками.

Старшие ребята были одеты во все иностранное, на руках у них горели огнем диковинных циферблатов японские часы «Сейко» и «Ориент». Зависти не было, но, конечно, хотелось такие же.

Глава 7 Сирия, 1970 г. В войсках

Обещанный период адаптации завершился стремительно. Утром, наскоро позавтракав с друзьями, Олег поспешил в холл отеля и стал ожидать. Двух его коллег уже разобрали. Осталось трое. Разговор как-то не клеился. Было заметно, что каждый думает о своем.

За ним приехали минут через двадцать.

В холл вошел мужчина в сирийской военной форме без знаков различия. На вид ему было лет 40–45. Подойдя к переводчикам, представился:

– Подполковник Прохорович, советник командира дивизии. Мне нужен... – и он назвал фамилию Олега.

Они вышли к 12-местной тойоте, где уже находилось человек семь или восемь одетых в сирийское обмундирование советских военных хабиров⁸.

Войдя в салон, наш переводчик поздоровался и сел на свободное место.

Прохорович влез в кабину к водителю. Автобус тронулся и поехал по извилистым улицам города. Через десять минут машина притормозила у дома, где стояла группа людей в камуфляже, с портфелями и папками в руках.

Еще хабиры, догадался Олег. От группы отделились двое. Они вошли в микробас и, поздоровавшись, заняли свободные места. Салон был полон. Тойота тронулась и стала, постепенно набирая ход, уходить из города.

– Капитан Хорунжий, Алексей, – протянул руку сидящий рядом хабир. Олег назвал свое имя.

⁸ Хабир – специалист (араб.).

– Вы переводчик? – полюбопытствовал капитан и, получив утвердительный ответ, обрадовался:

– Ну, слава Богу, а то мы совсем работать не можем!

Далее Хорунжий рассказал, что в 1-й танковой дивизии, к которой был приписан Олег, три танковые бригады – 40-я, 67-я и 91-я. И если в двух бригадах есть по одному переводчику из Военного института, то в 91-й нет никого. А специалистов в бригаде аж 14 человек! И они объясняются с сирийским командованием на пальцах. Хотя проблем и работы у каждого из хабиров накопилась целая уйма.

Капитан также сообщил, что иногда в бригаде появляется сирийский переводчик Хани, но человек этот – скользкий тип. Есть информация, что он работает сразу на две разведки: на евреев и американцев.

– Он больше следит за нами и все время чего-то вынюхивает. К тому же ленив и чуть что «я устал», и исчезает. А мы одни, ни спросить ничего, ни узнать.

Ехали достаточно долго, в основном молча переглядываясь. Автобус уже с полчаса мчал по шоссе. Слева и справа от дороги просматривался довольно унылый пейзаж, основу которого составляла холмистая, каменистая местность. Шоссейка же уходила куда-то за горизонт.

Еще через некоторое время холмы стали возрастать и походить на горы.

– Голанские высоты, – пояснил капитан, перехватив взгляд Олега. И почти сразу же автобус начал притормаживать и сполз с полотна дороги.

Несмотря на духоту в салоне, все как по команде плотно задраили окна. За тойотой потянулся густой шлейф дорожной пыли, мелкой, как пудра, проникающей через любые преграды.

Через 10–15 минут движения стали попадаться войска, боевая техника и полевые сооружения.

Наконец, тойота забрала вправо и вверх и остановилась у арыка, за которым виднелся приятный квадрат зелени. И все посыпались из автобуса, разминая затекшие в дороге конечности.

В оазисе был разбит палаточный городок – Управление 1-й танковой дивизии, куда и держали свой путь советские хаберы.

Сначала подполковник Прохорович как старший группы представил нового переводчика своим спецам. Некоторые из них были в годах. Как потом выяснилось, в группе было три офицера – участника Великой Отечественной войны.

Все специалисты оказались офицерами с опытом, имели наработки и ценные рекомендации своим «подшефным» из числа командования бригады и дивизии. Однако из-за долгого отсутствия переводчика реализоваться в полной мере не могли. Сирийский толмач Хани был не в счет. Поэтому все имели серьезные виды на прибывшего из Союза переводчика.

А ему, в свою очередь, предстояло прежде познакомиться с самой дивизией и ее руководством. И подполковник Прохорович повел Олега на аудиенцию к командиру дивизии, генералу Салеху Аш-Ширази.

До палаток командного пункта дивизии нужно было пройти несколько сот метров по камням и дорожной пыли. И наш друг с жалостью взглянул на свои новые замшевые полуботинки, которые стремительно и бесповоротно меняли свой первоначальный цвет.

По дороге Олег внимательно слушал то, что говорил ему старший группы.

Из рассказа Прохоровича следовало, что лива⁹ Салех Аш-Ширази человек жесткий и решительный. Уважает только силу и несомненный профессионализм. И поэтому очень многое зависит от того, какое впечатление произведет на него наш переводчик.

⁹ Лива – дивизионный генерал (араб.).

Подполковник еще раз предостерег его от контактов с сирийским коллегой Хани, который – есть такое мнение – поставлен в соединение лишь для того, чтобы следить за русскими хабирами и все доносить спецслужбам.

Дойдя до палатки комдива, старший группы советских военных специалистов подполковник Прохорович через нашего переводчика доложил о своем прибытии в калям¹⁰.

Их пригласили через несколько минут.

За столом, лицом к входу, сидел дивизионный генерал в окружении офицеров штаба. У него были рыжие волосы и черты лица рязанского жителя. Все выдавала властная мина и лежащий на столе стек.

Лива Аш-Ширази поднялся навстречу советским хабирам.

– Ас-салям алейкум сиядатак!¹¹ – поприветствовал генерала наш знакомый.

– Ва Алейкум ас-салям я ас-сейид аль – мутарджим!¹² – ответил Ширази, и их глаза встретились.

Все офицеры штаба глядели на новичка.

– Стриху!¹³ – предложил дивизионный генерал, указывая на свободные стулья у стола. – Вэнак! Шай-ам-кахва?¹⁴ – спросил он у русских.

В палатку на возглас командира влетел боец и вытянулся у входа в ожидании заказа на чай или кофе.

Выбор был сделан. Боец удалился, картинно топнув ногой и приложив растопыренную ладонь к пустой голове.

– Мы только что начали обсуждение плана дивизионного учения с боевой стрельбой. Присоединяйтесь, – предложил генерал Ширази.

Олег перевел сказанное подполковнику, а Прохорович поблагодарил за приглашение, добавив, что с прибытием переводчика участие советских хабиров в подготовке учения будет более существенным.

Теперь Олег перевел сказанное старшим группы дивизионному генералу, который внимательно посмотрел на него и одобрительно кивнул.

В этот момент новый переводчик поймал на себе взгляд холодных глаз сидевшего поодаль человека в военной форме без знаков различия.

Как потом выяснилось, это был сирийский переводчик Хани...

Глава 8

Шарм, 2006 г

– Плавать нужно с маской. Когда ее надеваешь, то из воды можно вообще не выходить, настолько это интересно, – поделился своим наблюдением с женой Олег. – Там просто тысячи разноцветных рыб! Те, что помельче, плавают стайками: рыбки оранжевые, голубые, зеленые, разные! А риф какой красивый! Вот, на, посмотри, – протянул он маску жене.

Алла надела маску и медленно поплыла вдоль кораллового рифа. Она плавала грамотно, имея хорошую подготовку. Зная об этом, довольно часто заплывала подальше, иногда за буи, что порой немало беспокоило супруга. Но одно дело плавать в Черном море, где все же не было так опасно, как здесь. Заплывать далеко в Средиземном море уже не безопасно, ну а уж в Красном и подавно! В нем живут разные чудовища. Об этом Олег знал не понаслышке.

¹⁰ Калям – канцелярия (араб.).

¹¹ Мир вам, господин генерал! (Араб.)

¹² И вам мир, господин переводчик! (Ответное приветствие, араб.)

¹³ Садитесь! (Араб.)

¹⁴ Человек! Чай или кофе? (Араб.)

Пока женщина находилась в воде, он с тревогой поглядывал за ней.

Наплававшись и наглядевшись вдоволь на подводный мир, обмениваясь впечатлениями об увиденном, супруги вернулись на лежаки. Дул приятный морской ветерок.

– Ду ю вонт биа, мистер?¹⁵ – спросил подошедший официант.

– Хочешь пива? – обратился к жене Олег.

– Да, было бы неплохо.

– Эйш ноа эль – бира или андак?¹⁶ – спросил удивившегося официанта наш друг.

– «Стелла», ахсан или фи, барида!¹⁷

¹⁵ Хотите пива, мистер? (Англ.)

¹⁶ А какое пиво у тебя есть? (Араб.)

¹⁷ Лучше всего «Стелла», холодное! (Араб.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.